

Пашкова Т. В. Образование глагольных форм императива в ливвиковском и людиковском наречиях карельского языка / Т. В. Пашкова, А. П. Родионова // Научный диалог. — 2020. — № 4. — С. 100—112. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-4-100-112.

Pashkova, T. V., Rodionova, A. P. (2020). Formation of Verbal Forms of Imperative in the Livvik and Lyudik Dialects of Karelian Language. *Nauchnyi dialog*, 4: 100-112. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-4-100-112. (In Russ.).



УДК 811.511.112'366.593

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-4-100-112

## ОБРАЗОВАНИЕ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ ИМПЕРАТИВА В ЛИВВИКОВСКОМ И ЛЮДИКОВСКОМ НАРЕЧИЯХ КАРЕЛЬСКОГО ЯЗЫКА<sup>1</sup>

© **Пашкова Татьяна Владимировна (2020)**, [orcid.org/0000-0002-0505-4767](https://orcid.org/0000-0002-0505-4767), доктор исторических наук, профессор кафедры прибалтийско-финской филологии, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Петрозаводский государственный университет» (Петрозаводск, Россия), [tvpashkova05@mail.ru](mailto:tvpashkova05@mail.ru).

© **Родионова Александра Павловна (2020)**, [orcid.org/0000-0001-5645-9441](https://orcid.org/0000-0001-5645-9441), кандидат филологических наук, научный сотрудник Сектора языкознания, Институт языка, литературы и истории — обособленное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Карельский научный центр Российской академии наук (Петрозаводск, Россия), [santrar@krc.karelia.ru](mailto:santrar@krc.karelia.ru).

Рассматривается вопрос об образовании форм императива в наречиях карельского языка. Уделяется внимание двум наречиям: ливвиковскому и людиковскому. Представлены результаты сравнительного анализа утвердительных и отрицательных форм императива в упомянутых наречиях. Особое внимание уделяется показателям императива, их происхождению, особенностям использования в сравнительном аспекте. Новизна исследования видится в том, что в настоящее время литературная форма людиковского наречия карельского языка до сих пор не сформирована до конца, и на сегодняшний день людиковское наречие слабо представлено в образовательном пространстве: на нём не ведется планомерное и систематическое преподавание вследствие влияния объективных и субъективных факторов. Отмечается, что ливвиковское наречие, напротив, активно преподается в образовательных учреждениях Республики Карелия, грамматический строй данного наречия достаточно хорошо изучен и апробирован в рамках образовательного процесса. На основе того, что ливвиковское и людиковское наречия находятся в наиболее тесном родстве друг с другом, в дальнейшем проанализированный материал может быть использован и при подготовке учебных пособий, в которых остро нуждаются носители людиковского наречия.

Ключевые слова: карельский язык; ливвиковское наречие; людиковское наречие; глагол; повелительное наклонение; морфология; сравнение.

1 Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания КарНЦ.

## 1. Введение

Процессы возрождения карельского языка, начавшиеся с середины 1990-х годов, практически не затронули людиковского наречия: письменность активно развивалась на собственно карельском и ливвиковском наречиях; на людиковском наречии издавалась только духовная и художественная литература. Язык людиков оказался на периферии ревитализационных процессов и на сегодняшний день слабо представлен в образовательном пространстве: по объективным и субъективным причинам отсутствует системное преподавание. В частности, существует определенный образовательный стандарт, только в строгом соответствии с которым изучение языка как предмета может быть начато в системе школьного образования, а людиковское наречие в стандарт не входит. Серьезными препятствиями для преподавания людиковского наречия является также нехватка специалистов, владеющих родным языком, географическая дисперсность людиков, их языковая неоднородность. Дialectы людиковского наречия имеют значительные различия на уровне лексики и грамматики. Для создания учебной литературы необходим унифицированный вариант, приемлемый для носителей разных говоров: письменная норма людиковского наречия до конца не сформирована, в отличие от ливвиковского наречия, которое планомерно преподают как в школах и высших учебных заведениях, так и на курсах карельского языка.

В данной статье, подготовленной соавторами — профессором Т. В. Пашковой, которая более десяти лет преподает ливвиковское наречие в ПетрГУ, и исследователем людиковского наречия, научным сотрудником сектора языкознания А. П. Родионовой, — представлен сравнительный анализ образования глагольных форм императива в ливвиковском и людиковском наречиях карельского языка. На основе того, что данные наречия находятся в наиболее тесном родстве друг с другом, в дальнейшем проанализированный материал может быть использован и при подготовке учебных пособий, необходимость в которых остро ощущается представителями людиковского наречия.

В связи с этим людиковская часть статьи будет базироваться на диалектном материале (главным образом, на святозерском диалекте), а ливвиковская — на литературной норме. При этом в контекстах, приводимых для демонстрации употребления форм наклонения в ливвиковском наречии, нами будут использоваться также и диалектные примеры.

## 2. Показатель императива. История вопроса

В карельском языке определяется четыре наклонения: изъявительное, условное, возможностное и повелительное. У каждого наклонения есть вре-

менные формы, часть из которых различаются в наречиях карельского языка (например, в ливвиковском наречии возможностное наклонение имеет четыре временные формы, а в собственно карельском наречии — всего две). Императив же, или повелительное наклонение, един во всех наречиях лишь в том, что у него определяется только форма настоящего времени, или презенса (в целом это прослеживается во всех финно-угорских языках).

Императив, или повелительное наклонение, выражает приказ, просьбу, волю говорящего, направленную к другому лицу или лицам, к совершению действия. Адресатом может быть 1 л. мн. ч., 2 л. ед. ч. и мн. ч., 3 л. ед. и мн. ч. Формальным показателем данного наклонения служат суффиксы *-ka/-/kä-*, *-ga/-/gä-*. При образовании императива формант присоединяется к гласной основе (у одноосновных глаголов) и согласной у двусловных глаголов, см., например: [Зайков, 2000, с. 175—176].

По мнению исследователей [Зайков, 2000; Leskinen, 1970 и др.], императив исторически обладал собственным суффиксом. В форме 2 л. ед. ч. суффикс функционировал в виде *-\*k*, во множественном числе — *-\*k+V*. В карельском языке на присутствие этого суффикса указывает слабоступенная основа глагола, которая возникла в результате того, что последний слог был закрытым согласной *-\*k*, тем самым вызывая чередование ступеней согласных. И если суффикс *-\*k* изначально присутствовал только в форме 2 л. ед. ч., то в формах множественного числа был формант *-\*ka/-\*kä*, возникший не ранее чем в прибалтийско-финско-саамский период, в то время как *-\*k* восходит к уральскому языку-основе. Именно показатель *-\*ka/-\*kä*, по мнению исследователей, присоединяясь к основе глагола, выражал приказание или побуждение к действию. Позже к суффиксу императива множественного числа *-\*ka/-\*kä* стали присоединяться личнословные окончания 1, 2 и 3 л. мн. ч., чтобы «дифференцировать приказание или побуждение к действию» [Зайков, 2000, с. 176—177].

### 3. Образование форм единственного числа императива

#### 3.1. Форма 2 лица единственного числа

Данные формы в наречиях карельского языка не имеют своего формального признака и выражаются лексической основой глагола. При наличии количественного (ливвиковское и людиковское наречия карельского языка) или качественного (ливвиковское наречие карельского языка) чередования ступеней согласных в форме 2 л. ед. ч. выступает слабая ступень. Как уже говорилось выше, фонетически незаконномерное представительство слабой ступени одноосновных глаголов объясняется былым присутствием на конце формы показателя императива *\*-k*, закрывавшего слог, что

вызывало чередование ступеней согласных [Новак, 2019, с. 302; Nakulinen, 1979, с. 243—244; Häkkinen, 1985, с. 107].

Таблица 1

## Форма 2 л. ед. ч. императива

Людиковское наречие	Ливвиковское наречие
<i>ajada</i> 'ехать' — <i>aja-</i> 'едь'	<i>ajua</i> 'ехать' — <i>aja-</i> 'едь'
<i>antta</i> 'давать' — <i>anda-</i> 'дай'	<i>andua</i> 'давать' — <i>anna-</i> 'дай'
<i>d'uoda</i> 'пить' — <i>d'uo-</i> 'пей'	<i>juvva</i> 'пить' — <i>juo-</i> 'пей'
<i>magata</i> 'спать' — <i>magada-</i> 'спи'	<i>muata</i> 'спать' — <i>magua-</i> 'спи'
<i>nähtä</i> 'видеть' — <i>näge-</i> 'видь'	<i>nähtä</i> 'видеть' — <i>näi-</i> 'видь'
<i>rubeta</i> 'начинать' — <i>rubeda</i> 'начни'	<i>ruveta</i> 'начинать' — <i>rubie-</i> 'начни'

Отрицательная форма императива 2 л. ед. ч. образуется посредством отрицательного глагола *ei* и смыслового глагола в рассматриваемой форме императива. В людиковском наречии отрицательный глагол в форме императива 2 л. ед. ч. может иметь начальным гласным *e*, *a*, *ä* → *älä*, *ela*, *ala*, *elä*, *äl* [Зайков, 2000, с. 185—186]. По мнению исследователей, образование отрицательных форм императива происходит супплетивно, поскольку используются особые лично-числовые формы отрицательного глагола *ei* в императиве, за которыми следуют императивные формы смыслового глагола в лично-числовых формах [Диалектологический ..., 1997, к. 163; Новак, 2019, с. 330]. В ливвиковском наречии — только гласный *ä* → *älä*. Смысловый глагол, как правило, следует после отрицательного. Примечательно, что в разговорной речи может встречаться инверсия, например, люд.: *Kolme tütarit, kaks poigad, a loppit sigä ni čotai älä.* — *Три дочери, два сына, а остальных там и не считай* [Баранцев, 1978, с. 152], что может быть обусловлено прежде всего влиянием русского языка.

Таблица 2

## Отрицательная форма императива 2 л. ед. ч.

Людиковское наречие	Ливвиковское наречие
<i>antta</i> 'давать' — <i>älä (elä) anda</i> 'не давай!'	<i>andua</i> 'давать' — <i>älä anna</i> 'не давай!'
<i>moittida</i> 'ругать' — <i>älä (elä) moiti</i> 'не ругай!'	<i>moittie</i> 'ругать' — <i>älä moiti</i> 'не ругай!'
<i>syödä</i> 'есть' — <i>älä (elä) süö</i> 'не ешь!'	<i>syvvä</i> 'есть' — <i>älä syö</i> 'не ешь!'
<i>upota</i> 'утонуть' — <i>älä (elä) uppone</i> 'не утони!'	<i>upota</i> 'утонуть' — <i>älä uppuo</i> 'не утони!'
<i>suvaita</i> 'любить' — <i>älä (elä) suvaiče</i> 'не люби!'	<i>suvaija</i> 'любить' — <i>älä suvaiče</i> 'не люби!'
<i>mändä</i> 'идти' — <i>älä (elä) mäne</i> 'не ходи!'	<i>mennä</i> 'идти' — <i>älä mene</i> 'не ходи!'

### 3.2. Форма 3 лица единственного числа

Данная форма в наречиях карельского языка имеет свои показатели *-kka- ~ -kkä-, -ka- ~ -kä-, -ga- ~ -gä-*, которые присоединяются к лексической основе глагола. По мнению Л. Кеттунена, подобные суффиксы с геминированным палатальным согласным сформировались изначально в двусловных стяженных глаголах в результате ассимиляции согласного *t* основы глагола и показателя императива *\*-ka-*, затем по аналогии удвоился согласный *k*, выступающий в показателе при одноосновных глаголах, что уже не повлияло на изменение согласных компонентов основы [Kettunen, 1915, с. 111]. Существует и другая точка зрения: Х. Оянсуу считал, что удвоение компонента *k*-показателя было вызвано фонетической позицией начала долгого слога [Ojansuu, 1918, с. 30—31]. В лудиковском и ливвиковском наречиях карельского языка эти показатели идентичны *-kah / -käh, -kkah / -kkäh, -gah / -gäh*. В ливвиковском наречии показатель *-kkah / -kkäh* выступает во всех одноосновных глаголах и присоединяется к слабой гласной основе, *-kah / -käh* присоединяется к согласной основе *-t* двусловных глаголов, в результате чего происходит регрессивная ассимиляция, и к глаголам с согласной основой на *-s, -l, -n, -r* (кроме глаголов *mennä, tulla, panna, olla*), *-gah / -gäh* — к односложным глаголам после дифтонгов и к согласной основе глаголов *panna* ‘класть’, *mennä* ‘идти’, *tulla* ‘приходить’, *olla* ‘быть, являться’ [Markianova, 1995, с. 38].

Однако стоит отметить, что в современных учебных пособиях указывается на то, что показатель *-kkah / -kkäh* и последующие показатели с удвоенной согласной *kk* в начале присоединяются к сильной гласной основе (например, *ottua* ‘брать’: *ottakkah* ‘пусть он возьмет!’, *ottakkuammo* ‘давайте возьмем!’, *ottakkua* ‘возьмите!’), см., например: [Ruppijeva, 2017, с. 78—79; Žarinova, 2012, с. 147]. На наш взгляд, это неверное утверждение, так как первая *k* удвоенной *kk* — показателя императива — перекрывает слог, подразумеваемая наличие чередования ступеней согласных. В лудиковском наречии показатель *-kkah/-kkäh* выступает во всех одноосновных многосложных глаголах, *-kah/-käh* присоединяется к согласной основе *-t* (происходит регрессивная ассимиляция), *-s, -l, -n, -r* (кроме глаголов *mändä, tulda, panda, olda*), *-gah/-gäh* — к гласной основе всех одноосновных глаголов и к согласной основе глаголов *mändä* ‘идти’, *tulda* ‘приходить’, *panda* ‘класть’, *olda* ‘быть, являться’.

Исторически показатель повелительного наклонения *-kah / -käh* распадается на 2 элемента *ka / kä* и *h*: первая часть является суффиксом императива, а вторая часть входила в состав личного окончания 3 л. мн. ч. *-\*hen*:

\**tul-ka-hen* > *tul-kah*. В севернолюдиковских и среднелюдиковских говорах конечный *h* преобразовался в *i* и окончание может приобрести формы: *-kkai-* / *-kkäi-*, *-kai-* / *-käi-*, *-gai-* / *-gäi* [Зайков, 2000, с. 208—209; Новак, 2019, с. 309].

Таблица 3

Форма 3 лица единственного числа

Людиковское наречие	Ливвиковское наречие
<i>antta</i> ‘давать’ — <i>andagah</i> ‘пусть он даёт!’	<i>andua</i> ‘давать’ — <i>annakkah</i> ‘пусть он даёт!’
<i>kuokkida</i> ‘окучивать’ — <i>kuokkigah</i> ‘пусть он окучивает!’	<i>kuokkie</i> ‘окучивать’: <i>kuokikkah</i> ‘пусть он окучивает!’
<i>syödä</i> ‘есть’ — <i>šyögah</i> / <i>syögah</i> ‘пусть он ест!’	<i>syvvä</i> ‘есть’ — <i>syögäh</i> ‘пусть он ест!’
<i>suada</i> ‘получать’ — <i>suagah</i> / <i>suogah</i> ‘пусть он получит!’	<i>suaja/suaha</i> ‘получать’ — <i>suagah</i> ‘пусть он получит!’
<i>lykaitä</i> ‘бросить’ — <i>lykäikkah</i> ‘пусть он бросит!’	<i>lykätä</i> ‘бросить’ — <i>lykäkkäh</i> ‘пусть он бросит!’
<i>rubeta</i> ‘начинать’ — <i>rubekkah</i> ‘пусть он начинает!’	<i>ruveta</i> ‘начинать’ — <i>ruvekkah</i> ‘пусть он начинает!’
<i>nähtä</i> ‘видеть’ — <i>nähkah</i> ‘пусть он глядит!’	<i>nähtä</i> ‘видеть’ — <i>nähkäh</i> ‘пусть он глядит!’
<i>nosta</i> ‘вставать’ — <i>noskah</i> ‘пусть он встаёт!’	<i>nosta</i> ‘вставать’ — <i>noskah</i> ‘пусть он встаёт!’
<i>suvaita</i> ‘любить’ — <i>suvaikkah</i> ‘пусть он любит!’	<i>suvaija</i> ‘любить’ — <i>suvaikkah</i> ‘пусть он любит!’
<i>murginoita</i> ‘обедать’ — <i>murginoikkah</i> ‘пусть он обедает!’	<i>murginoija</i> ‘обедать’ — <i>murginoikkah</i> ‘пусть он обедает!’
<i>olda</i> ‘быть’ — <i>olgah</i> ‘пусть он будет!’	<i>olla</i> ‘быть’ — <i>olgah</i> ‘пусть он будет!’
<i>tulda</i> ‘прийти’ — <i>tulgah</i> ‘пусть он приходит!’	<i>tulla</i> ‘прийти’ — <i>tulgah</i> ‘пусть он приходит!’

В людиковском наречии карельского языка отрицательная форма императива 3 л. ед. ч. строится с помощью отрицательного и смыслового глаголов, выступающих в форме 3 л. ед. ч. повелительного наклонения: *elgai* (говоры Тивдии, Галлезера), *äl(a)gah* (Святозерский диалект). Как уже упоминалось, в севернолюдиковских и среднелюдиковских говорах конечный *h* преобразовался в *i* и окончание может приобрести формы: *-kkai-* / *-kkäi-*, *-kai-* / *-käi-*, *-gai-* / *-gäi-*, в результате и флексия отрицательного глагола императива в этих говорах имеет на конце *-i* [Зайков, 2000, с. 215]. Отрицательные формы на *-goi* прослеживаются также в вепском языке [Зайцева, 2002, с. 121]. В ливвиковском наречии отрицательный глагол имеет форму *älgäh*.

Таблица 4

## Отрицательная форма императива 3 л. ед. ч.

Людиковское наречие	Ливвиковское наречие
<i>antta</i> ‘давать’ — <i>äl(a)gah / elgai</i>	<i>andua</i> ‘давать’ — <i>älgäh annakkah</i> ‘пусть он не даёт!’
<i>andagah</i> ‘пусть он не даёт!’	
<i>kuokkida</i> ‘окучивать’ — <i>äl(a)gah / elgai</i>	<i>kuokkie</i> ‘окучивать’ — <i>älgäh kuokikkah</i>
<i>kuokkigah</i> ‘пусть он не окучивает!’	‘пусть он не окучивает!’
<i>syöda</i> ‘есть’ — <i>äl(a)gah / elgai</i>	<i>syvvä</i> ‘есть’ — <i>älgäh syögäh</i> ‘пусть он не ест!’
<i>šyögah / syögah</i> ‘пусть он не ест!’	
<i>suada</i> ‘получать’ — <i>äl(a)gah / elgai</i>	<i>suaja / suaha</i> ‘получать’ — <i>älgäh suagah</i>
<i>suagah / suogah</i> ‘пусть он не получит!’	‘пусть он не получит!’
<i>lykaiä</i> ‘бросить’ — <i>äl(a)gah / elgai</i>	<i>lykäiä</i> ‘бросить’ — <i>älgäh lykäkkäh</i>
<i>lykäikkah</i> ‘пусть он не бросит!’	‘пусть он не бросит!’
<i>rubeta</i> ‘начинать’ — <i>äl(a)gah / elgai</i>	<i>ruveta</i> ‘начинать’ — <i>älgäh ruvekkah</i>
<i>rubekkah</i> ‘пусть он не начинает!’	‘пусть он не начинает!’
<i>nähtä</i> ‘видеть’ — <i>äl(a)gah / elgai</i>	<i>nähtä</i> ‘видеть’ — <i>älgäh näkkäh</i> ‘пусть он не видит!’
<i>näkkah</i> ‘пусть он не видит!’	
<i>nosta</i> ‘вставать’ — <i>äl(a)gah / elgai</i>	<i>nosta</i> ‘вставать’ — <i>älgäh noskah</i> ‘пусть он не встаёт!’
<i>noskah</i> ‘пусть он не встаёт!’	
<i>suvaita</i> ‘любить’ — <i>äl(a)gah / elgai</i>	<i>suvaija</i> ‘любить’ — <i>älgäh suvaikkah</i>
<i>suvaikkah</i> ‘пусть он не любит!’	‘пусть он не любит!’
<i>murginoita</i> ‘обедать’ — <i>äl(a)gah / elgai</i>	<i>murginoija</i> ‘обедать’ — <i>älgäh</i>
<i>murginoikkah</i> ‘пусть он не обедает!’	<i>murginoikkah</i> ‘пусть он не обедает!’
<i>olda</i> ‘быть’ — <i>äl(a)gah / elgai</i>	<i>olla</i> ‘быть’ — <i>älgäh olgah</i> ‘пусть он не будет!’
<i>olgah</i> ‘пусть он не будет!’	
<i>tulda</i> ‘прийти’ — <i>äl(a)gah / elgai</i>	<i>tulla</i> ‘прийти’ — <i>älgäh tulgah</i> ‘пусть он не приходит!’
<i>tulgah</i> ‘пусть он не приходит!’	

## 4. Образование форм множественного числа императива

## 4.1. Форма 1 лица множественного числа

Поскольку императив по семантическим причинам не может выступать в форме 1 лица единственного числа и определяется тем, кто может быть исполнителем действия (к кому направлено обращение), императивная парадигма ограничена. Если же подразумевать, что исполнителем может быть не столько слушающий, но и говорящий (как участвующий, так и не участвующий в действии), то парадигма императива расширится до 1 л. мн. ч. и 3 л. ед. и мн. ч. [Адель, 1994, с. 27].

В научных трудах П. М. Зайкова указано, что формы 1 л. мн. ч. императива в ливвиковском наречии могут выражаться формами 1 л. мн. ч. изъявительного наклонения. Также исследователь указывает на маркеры *-kka / -kkä, -ka / -kä, -ga / -gä*, к которым присоединяется личное окончание глагола 1 л. мн. ч. *-mmo/-mmö* (например, *kuč(č)ukammo*) [Зайков, 2000, с. 200—201]. Однако в учебных пособиях по ливвиковскому наречию указа-

но, что показателями императива 1 л. мн. ч. являются *-kkuammo / -kkiämmö*, *-kuammo / -kiämmö*, *-guammo / -giämmö*, в которых — *mmo / -mmö* — личное окончание 1 л. мн. ч. [Markianova, 1995, с. 37; Rurprijeva, 2017, с. 78]. В людиковском наречии П. М. Зайков прослеживает присоединение личного окончания 1 л. мн. ч. *-mm(e)* (например, *kuč(č)ukamm(e)*) к вышеуказанным показателям. Но в образцах людиковской речи крайне редко можно встретить формы императива 1 л. мн. ч., образованные при помощи показателей императива *-ka- / -kä-*, *-ga- / gä-*, к которому присоединяется лично-числовое окончание *-m(mme)*: *Lükamme iäre hot' lapsidelloh uidigamme, kunna tahto lapset. Emme vie lähte. olgamme vie vähäine kodis' — [давай] Уедем быстрее, [давай] поедем хоть к детям, ведь дети ... — Нет, не поедем еще, [давай] побудем еще немножко дома* [Баранцев, 1978, с. 267]; *Kai rahvaz ombelzutetah kengäd da kai ka, azugamme la müö hot' kengät' — Весь народ шьет себе сапоги да все, так [давай] сошьем и мы сапоги* [Там же, с. 270]; *Minä sanon: Oi emme d'o lähte; da kai olgamme täs — Я говорю: Ой, не поедем, давайте останемся здесь* [Там же, с. 279].

Кроме того, ученый обращает внимание на наличие в ливвиковском и людиковском наречиях формы *läkkä*, которая по сути является в определенной степени застывшей формой: люд. *no buat'uška no läkkä sinunke* — ну, папа, ну, пойдём с тобой, *läkkä minunke* — пойдём со мной, *läkkä ambumme* — пойдём подстрелим; ливв. *läkkä nygöi* — пойдём сейчас, *läkkä kinoh* — пойдём в кино [Зайков, 2000, с. 205]. В учебных пособиях ливвиковского наречия указывается форма *läkkiä* [Rurprijeva, 2017, с. 79].

Отрицательная форма 1 л. мн. ч. императива строится из отрицательного и смыслового глаголов в 1 л. мн. ч.

Таблица 5

#### Отрицательная форма 1 л. мн. ч. императива

Людиковское наречие	Ливвиковское наречие
<i>älgäm(me) läkämme</i> 'давайте мы не пойдём'	<i>älgämmö läkkiä</i> 'давайте мы не пойдём'
<i>älgäm(me) uidigamme</i> 'давайте мы не поплывём'	<i>älgämmö uijakkuamto</i> 'давайте мы не поплывём'
<i>älgäm(me) olgamme</i> 'давайте мы не будем являться'	<i>älgämmö olguamto</i> 'давайте мы не будем являться'
<i>älgäm(me) azugamme</i> 'давайте мы не будем делать'	<i>älgämmö azukkuamto</i> 'давайте мы не будем делать'

#### 4.2. Форма 2 лица множественного числа

Глагольная форма императива 2 л. мн. ч. по образованию схожа с формой 1 л. мн. ч. В ливвиковском наречии карельского языка, согласно вы-



шеупомянутым правилам присоединения показателей к лексической основе глагола, маркерами выступают *-kkuu / -kkuä, -kuu / -kiä, -gua / -giä* [Зайков, 2000, с. 187; Gilojeva, 2009, с. 106—107; Ruppjjeva, 2017, с. 78]. В учебном пособии Л. Маркиановой к таким показателям добавляются *-kkuatto / -kkuättö, -kuatto / -kiättö, -guatto / -giättö*, которые содержат личные окончания глаголов 2 л. мн. ч. *-tto / -ttö* [Markianova, 1995, с. 37]. В людиковском наречии во 2 л. мн. ч. императива к глагольной основе присоединяются формальные показатели *-ga / -gä* или *-ka / -kä*, к которым в свою очередь добавляется лично-числовое окончание *-t(te)*. Присоединение показателей как в ливвиковском, так и в людиковском наречиях происходит по ранее перечисленным правилам.

Таблица 6

### Форма 2 лица множественного числа

Людиковское наречие	Ливвиковское наречие
<i>antta</i> ‘давать’ — <i>andagat</i> ‘давайте!’	<i>andua</i> ‘давать’ — <i>annakkua</i> ‘давайте!’
<i>kuokkida</i> ‘окучивать’ — <i>kuokigat</i> ‘окучьте!’	<i>kuokkie</i> ‘окучивать’ — <i>kuokikkua</i> ‘окучьте!’
<i>moittida</i> ‘ругать’ — <i>moitigat</i> ‘отругайте!’	<i>moittie</i> ‘ругать’ — <i>moitikkua</i> ‘отругайте!’
<i>d'uoda</i> ‘пить’ — <i>d'uogat</i> ‘пейте!’	<i>juvva</i> ‘пить’ — <i>juogua</i> ‘пейте!’
<i>syöä</i> ‘есть’ — <i>syögat/syögat</i> ‘ешьте!’	<i>syvvä</i> ‘есть’ — <i>syögiä</i> ‘ешьте!’
<i>nähtä</i> ‘видеть’ — <i>nähkat</i> ‘глядите!’	<i>nähtä</i> ‘видеть’ — <i>nähkiä</i> ‘глядите!’
<i>rubeta</i> ‘начинать’ — <i>rubekkat</i> ‘начинайте!’	<i>riveta</i> ‘начинать’ — <i>ruvekkua</i> ‘начинайте!’
<i>suvaita</i> ‘любить’ — <i>suvaikkat</i> ‘любите!’	<i>suvaija</i> ‘любить’ — <i>suvaikkua</i> ‘любите!’
<i>murginoita</i> ‘обедать’ — <i>murginoikkat</i> ‘обедайте!’	<i>murginoija</i> ‘обедать’ — <i>murginoikkua</i> ‘обедайте!’
<i>olda</i> ‘быть’ — <i>olgat</i> ‘будьте!’	<i>olla</i> ‘быть’ — <i>olgua</i> ‘будьте!’
<i>tulda</i> ‘прийти’ — <i>tulgat</i> ‘приходите!’	<i>tulla</i> ‘прийти’ — <i>tulgua</i> ‘приходите!’
<i>mändä</i> ‘идти’ — <i>mängät</i> ‘идите!’	<i>mennä</i> ‘идти’ — <i>mengiä</i> ‘идите!’
<i>nosta</i> ‘вставать’ — <i>noskat</i> ‘вставайте!’	<i>nosta</i> ‘вставать’ — <i>noskua</i> ‘вставайте!’

Отрицательная форма 2 л. мн. ч. императива строится из отрицательного и смыслового глаголов в соответствующей форме.

Таблица 7

### Отрицательная форма императива 2 л. мн. ч.

Людиковское наречие	Ливвиковское наречие
<i>antta</i> ‘давать’ — <i>älgat(te) / elgat andagat</i> ‘не давайте!’	<i>andua</i> ‘давать’ — <i>älgä annakkua</i> ‘не давайте!’
<i>kuokkida</i> ‘окучивать’ — <i>älgat(te) / elgat kuokigat</i> ‘не окучивайте!’	<i>kuokkie</i> ‘окучивать’ — <i>älgä kuokikkua</i> ‘не окучьте!’;
<i>moittida</i> ‘ругать’ — <i>älgat(te) / elgat moitigat</i> ‘не ругайте!’	<i>moittie</i> ‘ругать’ — <i>älgä moitikkua</i> ‘не отругайте!’

Окончание табл. 7

<i>d'uoda</i> 'пить' — <i>älgat(te) / elgat d'uogat</i> 'не пейте!'	<i>juvva</i> 'пить' — <i>älgä juogua</i> 'не пейте!'
<i>syödä</i> 'есть' — <i>älgat(te) / elgat šyögat/ syögat</i> 'не ешьте!'	<i>syvvä</i> 'есть' — <i>älgä syögiä</i> 'не ешьте!'
<i>nähtä</i> 'видеть' — <i>älgat(te) / elgat nähkat</i> 'не смотрите!'	<i>nähtä</i> 'видеть' — <i>älgä nähkiä</i> 'не смотрите!'
<i>rubeta</i> 'начинать' — <i>älgat(te) / elgat rubekkat</i> 'не начинайте!'	<i>ruveta</i> 'начинать' — <i>älgä ruvekkua</i> 'не начинайте!'
<i>suvaita</i> 'любить' — <i>älgat(te) / elgat suvaikkat</i> 'не любите!'	<i>suvaija</i> 'любить' — <i>älgä suvaikkua</i> 'не любите!'
<i>murginoita</i> 'обедать' — <i>älgat(te) / elgat murginoikkat</i> 'не обедайте!'	<i>murginoija</i> 'обедать' — <i>älgä murginoikkua</i> 'не обедайте!'
<i>olda</i> 'быть' — <i>älgat(te) / elgat olgat</i> 'не будьте!'	<i>olla</i> 'быть' — <i>älgä olgua</i> 'не будьте!'
<i>tulda</i> 'прийти' — <i>älgat(te) / elgat tulgat</i> 'не приходите!'	<i>tulla</i> 'прийти' — <i>älgä tulgua</i> 'не приходите!'
<i>mändä</i> 'идти' — <i>älgat(te) / elgat mängät</i> 'не идите!'	<i>mennä</i> 'идти' — <i>älgä mengiä</i> 'не идите!'
<i>nosta</i> 'вставать' — <i>älgat(te) / elgat noskat</i> 'не вставайте!'	<i>nosta</i> 'вставать' — <i>älgä noskua</i> 'не вставайте!'

### 4.3. Форма 3 лица множественного числа

В людиковском наречии карельского языка форма императива 3 л. мн. ч. не сильно отличается от 3 л. ед. ч. В ней те же формальные показатели, что и в единственном числе. В близкородственном вепском эти формы даже полностью совпадают, и только по контексту можно догадаться, о какой форме идет речь [Зайцева, 2002, с. 134]. В людиковском наречии отличия прослеживаются лишь в самой основе глагола, поскольку формальный показатель императива присоединяется к пассивной основе. В отрицательных формах императива пассивная ступень проявляется в отрицательном глаголе, форма смыслового глагола такая же, как и в единственном числе. Совершенно очевидно, что данная форма очень редкая. В ливвиковском наречии показателем императива 3 л. мн. ч. выступает *-hes*, который присоединяется к сильной пассивной основе презенса.

Таблица 8

#### Форма 3 л. мн. ч. императива

Людиковское наречие	Ливвиковское наречие
<i>kävüdä</i> 'идти' — <i>kävütäkäh</i> 'пусть они пойдут!'	<i>kävvä</i> 'идти' — <i>käydähes</i> 'пусть они пойдут!'
<i>ottada</i> 'брать' — <i>otetakkah</i> 'пусть они возьмут!'	<i>ottua</i> 'брать' — <i>otettahes</i> 'пусть они возьмут!'

Окончание табл. 8

<i>pestä</i> ‘мыть’ — <i>pestägäh</i> ‘пусть они помоют!’	<i>pestä</i> ‘мыть’ — <i>pestähes</i> ‘пусть они помоют!’
<i>olda</i> ‘быть’ — <i>oldagah</i> ‘пусть они будут!’	<i>olla</i> ‘быть’ — <i>oldahes</i> ‘пусть они будут!’

Отрицательная форма 3 лица множественного числа императива строится из отрицательного и смыслового глаголов в 3 л. мн. ч.

Таблица 9

## Отрицательная форма 3 л. мн. ч. императива

Людиковское наречие	Ливвиковское наречие
<i>kävydä</i> ‘идти’ — <i>älgädäh kävygäh</i> ‘пусть они не пойдут!’	<i>kävvä</i> ‘идти’ — <i>äldähes käydähes</i> ‘пусть они не пойдут!’
<i>ottada</i> ‘брат’ — <i>älgädäh otetakkah</i> ‘пусть они не берут!’	<i>ottua</i> ‘брат’ — <i>äldähes otettahes</i> ‘пусть они не берут!’
<i>pestä</i> ‘мыть’ — <i>älgädäh pestägäh</i> ‘пусть они не моют!’	<i>pestä</i> ‘мыть’ — <i>äldähes pestähes</i> ‘пусть они не моют!’
<i>olda</i> ‘быть’ — <i>älgädäh oldagah</i> ‘пусть они не будут!’	<i>olla</i> ‘быть’ — <i>äldähes oldahes</i> ‘пусть они не будут!’

## 5. Заключение

Таким образом, повелительное наклонение в ливвиковском и людиковском наречиях карельского языка имеет показатели императива во всех личных формах глагола, кроме первого лица единственного числа, впрочем, как и во всех финно-угорских языках. Конструкция второго лица единственного числа также едина — это лексическая основа глагола в слабой позиции. В роли показателей всех остальных форм императива (за исключением 3 л. мн. ч. в ливвиковском наречии с показателем *-hes*) выступают общие компоненты *-kka / -kkä, -ka / -kä, -ga / -gä*. Поскольку ливвиковское и людиковское наречия находятся в большой близости по отношению друг другу, что наглядно демонстрирует проведенный нами анализ всех форм императива, то в дальнейшем представленный нами материал можно использовать при подготовке учебников и пособий на людиковском наречии карельского языка с опорой на опыт ливвиковского.

## Источники

1. Маркианова Л. Ф. Карельско-русский словарь / Л. Ф. Маркианова, Т. П. Бойко. — Петрозаводск : Карелия, 1996. — 222 с.

## ЛИТЕРАТУРА

1. Адель Е. Л. Глагольное словоизменение в карельском языке. Паданский ареал / Е. Л. Адель. — Петрозаводск : Периодика, 1998. — 185 с.

2. *Баранцев А. П.* Образцы людиковской речи (образцы корпуса людиковского идиолекта) / А. П. Баранцев. — Петрозаводск : Карелия, 1978. — 287 с.
3. *Диалектологический атлас карельского языка* / под редакцией Д. В. Бубриха, А. А. Белякова, А. В. Пунжиной. — Хельсинки : Финно-угорское общество, 1997. — 209 с.
4. *Зайков П. М.* Глагол в петрозаводском языке / П. М. Зайков. — Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2000. — 293 с.
5. *Зайцева Н. Г.* Вепский глагол : сравнительно-сопоставительное исследование / Н. Г. Зайцева. — Петрозаводск : Периодика, 2002. — 288 с.
6. *Новак И.* Карельский язык в грамматиках. Сравнительное исследование фонетической и морфологической систем / И. Новак, М. Пенгтонен, А. Руусканен, Л. Сиинлин. — Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2019. — 479 с.
7. *Gilojeva N.* Karjalan kielen livvin murdehen algukursu / N. Gilojeva, S. Rudakova. — Petroskoi : PetrGU, 2009. — 170 s.
8. *Hakulinen L.* Suomen kielen rakenne ja kehitys. Neljäs, korjattu ja lisätty painos / L. Hakulinen. — Helsinki : Otava, 1979. — 282 s.
9. *Häkkinen K.* Suomen kielen äänne- ja muotorakenteen historiallista taustaa / K. Häkkinen. — Turku : Abo Akademi, 1985. — 116 s.
10. *Kettunen L.* Passiivin tunnuksesta / L. Kettunen // Virittäjä. — 1915. — № 19. — S. 107—12.
11. *Kujola J.* Lyydiläismurteiden sanakirja / J. Kujola. — Helsinki : SUS, 1944. — 543 с.
12. *Leskinen H.* Imperatiivin muodostus itämerensuomalaisissa kielissä / H. Leskinen. — Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1970. — 227 s.
13. *Markianova L.* Livvin murdehen morfolougii. Verbit. Adverbit / L. Markianova. — Petroskoi : PetrGU, 1995. — 94 s.
14. *Ojansuu H.* Karjala-Aunuksen äännehistoria / H. Ojansuu. — Helsinki : SKS. 1918. — 182 s.
15. *Ruppijeva J.* Liygii livvikse: livvin jatkokursu / J. Ruppjeva. — Petroskoi : Periodika, 2017. — 176 s.
16. *Žarinova O.* Pagizemmo karjalakse / O. Žarinova. — Petroskoi : Verso, 2012. — 180 s.

---

## FORMATION OF VERBAL FORMS OF IMPERATIVE IN THE LIVVIK AND LYUDIK DIALECTS OF KARELIAN LANGUAGE<sup>1</sup>

© **Tatyana V. Pashkova (2020)**, [orcid.org/0000-0002-0505-4767](https://orcid.org/0000-0002-0505-4767), Doctor of History, professor, Department of Baltic-Finnish Philology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Petrozavodsk State University” (Petrozavodsk, Russia), [tvashkova05@mail.ru](mailto:tvashkova05@mail.ru).

© **Alexandra P. Rodionova (2020)**, [orcid.org/0000-0001-5645-9441](https://orcid.org/0000-0001-5645-9441), PhD in Philology, Researcher of the Linguistics Sector, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russia), [santrar@krc.karelia.ru](mailto:santrar@krc.karelia.ru).

<sup>1</sup> The study was carried out under state order.

The question of the formation of imperative forms in the dialects of the Karelian language is considered. Attention is paid to two dialects: Livvik and Lyudik. The results of a comparative analysis of affirmative and negative forms of the imperative in the mentioned adverbs are presented. Particular attention is paid to the indicators of the imperative, their origin, features of use in a comparative aspect. The novelty of research is that at present the literary form of the Lyudik dialect of the Karelian language is still not fully formed, and today the Lyudik dialect is poorly represented in the educational space: systematic and systematic teaching due to the influence of objective and subjective factors is not conducted. It is noted that the Livvik dialect, on the contrary, is actively taught in educational institutions of the Republic of Karelia, the grammatical structure of this dialect is quite well studied and tested in the educational process. Based on the fact that the Livvik and Lyudik dialects are most closely related to each other, the material analyzed can also be used in the preparation of textbooks, which are urgently needed by people of the Lyudik dialect.

Key words: Karelian language; Livvik dialect; Lyudik dialect; verb; imperative mood; morphology; comparison.

## MATERIAL RESOURCES

Markianova, L. F., Boyko, T. P. (1996). *Karelsko-russkiy slovar'*. Petrozavodsk: Kareliya. (In Russ.).

## REFERENCES

- Adel', E. L. (1998). *Glagnolnoye slovoizmeneniye v karelskom yazyke. Padanskiy areal*. Petrozavodsk: Periodika. (In Russ.).
- Barantsev, A. P. (1978). *Obraztsy lyudikovskoy rechi (obraztsy korpusa lyudikovskogo idiolekt)*. Petrozavodsk: Kareliya. (In Russ.).
- Bubrikha, D. V., Belyakova, A. A., Punzhinoy, A. V. (eds.) (1997). *Dialektologicheskiy atlas karelskogo yazyka*. Khelsinki: Finno-ugorskoye obshchestvo. (In Russ.).
- Zaykov, P. M. (2000). *Glagnol v karelskom yazyke*. Petrozavodsk: Izdatelstvo PetrGU. (In Russ.).
- Zaytseva, N. G. (2002). *Vepsskiy glagnol: sravnitelno-sopostavitelnoye issledovaniye*. Petrozavodsk: Periodika. (In Russ.).
- Novak, I., Penttonen, M., Ruuskanen, A., Siilin, L. (2019). *Karelskiy yazyk v grammatikakh. Sravnitelnoye issledovaniye foneticheskoy i morfologicheskoy system*. Petrozavodsk: KarNTs RAN. (In Russ.).
- Gilojeva, N., Rudakova, S. (2009). *Karjalan kielen livvin murdehen algukursu*. Petroskoi: PetrGU. (In Fin.).
- Hakulinen, L. (1979). *Suomen kielen rakenne ja kehitys. Neljäs, korjattu ja lisätty pianos*. Helsinki: Otava. (In Fin.).
- Häkkinen, K. (1985). *Suomen kielen äänne- ja muotorakenteen historiallista taustaa*. Turku: Abo Akademi. (In Fin.).
- Kettunen, L. (1915). Passiivin tunnuksesta. *Virtittäjä*, 19: 107—12. (In Fin.).
- Kujola, J. (1944). *Lyydiläismurteiden sanakirja*. Helsinki: SUS. (In Fin.).
- Leskinen, H. (1970). *Imperatiivin muodostus itämerensuomalaisissa kielissä*. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. (In Fin.).
- Markianova, L. (1995). *Livvin murdehen morfolougii. Verbit. Adverbit*. Petroskoi: PetrGU. (In Fin.).
- Ojansuu, H. (1918). *Karjala-Aunuksen äännehistoria*. Helsinki: SKS. (In Fin.).
- Ruppijeva, J. (2017). *Liygii livvikse: livvin jatkokursu*. Petroskoi: Periodika. (In Fin.).
- Žarinova, O. (2012). *Pagizemmo karjalakse*. Petroskoi: Verso. (In Fin.).